

Юлия ГОРВАТОВА*
(БЕЗ)ДУМНЫЕ ТВАРИ**

ЧТО ЗНАЧИТ «МЫСЛИТЬ» И НУЖЕН ЛИ ДЛЯ ЭТОГО ЯЗЫК

Аннотация: В настоящей панельной дискуссии автор фокусной статьи, начав с обсуждения актуальной философской проблемы — допустимости утверждать, что животные мыслят (а если мыслят, то что под этим следует понимать), переходит к более метафизическим и в то же время аналитическим рассуждениям о том, как соотносятся понятия «рациональность» и «мышление». Наибольшего философского напряжения рассуждение достигает тогда, когда переходит к сугубо метафизическому вопросу о том особом виде знания, которого возможно достичь не столько благодаря, сколько вопреки языку, оказавшись при этом на «границе» или даже за «пределами» мира. Остальные участники дискуссии обсуждают те же вопросы, критикуя отдельные положения фокусной статьи, а также предлагая свои определения для базовых терминов и решения для поставленных вопросов.

Ключевые слова: мышление, трансцендентальное, рациональность, знание, язык, сознание.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-93-106.

Если я хоть когда-то что-то помыслил, то я знаю,
что такое мышление и что такое истина.

Мераб Мамардашвили,
«Картезианские размышления»¹

Эта работа, пожалуй, не вполне соответствует представлениям о том, какой должна быть академическая статья. Однако и цели я преследую не вполне привычные: я написала ее не для того, чтобы зафиксировать результат размышлений, но, напротив, она сама и будет попыткой размышления. Она написана не для того, чтобы проанализировать чужие подходы. Не для того, чтобы увидеть слабые места в чужих рассуждениях. Не для того, чтобы зафиксировать мою позицию по вопросу о мышлении. Она написана для того, чтобы упорядочить мысли, получить возможность взглянуть на собственный строй рассуждений со

*Горбатова Юлия Валерьевна, к. филос. н., доцент школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», jgorbatova@hse.ru.

**© Горбатова, Ю. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Мамардашвили, 2001: 91.

стороны, как на систему. Я хочу посмотреть на свет и повертеть так и сяк свою собственную интуицию, которая, возможно, меня подводит. Однако особенностью интуиции является как раз то, что ей хочется верить безо всяких оснований или анализа. Все, что есть во мне от аналитика, противится такой наивной доверчивости. Все, что есть во мне от логика, требует формализовать, обосновать, проверить на полноту и непротиворечивость. В то же время все, что есть во мне от наивного философа-любителя, тихо, но непреклонно настаивает на том, что есть такие области, где интуиция — единственный способ что-то знать. И что я сейчас как раз в такой области. И никакой анализ, никакая формализация меня не спасут и ничего не опровергнут, как, впрочем, и не обоснуют ничего тоже.

Пожалуй, я впервые пишу статью исключительно потому, что чувствую непреодолимую потребность поговорить о том, что меня очень волнует. К теме этого волнения я пришла благодаря работам Мераба Константиновича Мамардашвили, который для меня не философ, и читать его работы как философские я не могу. Мамардашвили для меня — проводник в область чистой мысли: тот, кто выбрасывает в «просвет бытия», где я чувствую себя больше, чем я есть, чем когда-либо могла бы быть.

Вообще, мне интересны поиски границ языка. Мир, очевидно (очевидно ли?), тем или иным образом простирается за эти границы и даже тем или иным способом наличествует за этими пределами. Однако, *как* именно он (мир) это делает, — мы, положа руку на сердце, не знаем. Отними у нас язык — возможность называть, описывать, классифицировать, формализовать и высчитывать, — что мы будем знать о мире? Как описать собаку, лающую на дерево, если нет общих понятий «собака» и «дерево»? Каково это — вообще не регистрировать и не фиксировать в словах наличие той или иной ситуации, состояния, события? Это иное восприятие мира, которое было доступно каждому из нас в младенчестве и доступно иным животным на протяжении всей жизни, совершенно невообразимо для уже владеющего языком человека.

В настоящей статье я планирую совместить до сих пор для меня несовместимое: привычный анализ языка и связь языка с внеязыковыми выходами на «изнанку мира». В рамках «прощупывания» своей интуиции я тем или иным образом «столкну» в обсуждении четверых — Рене Декарта, Нормана Малкольма, Мераба Мамардашвили (Мамардашвили, 2015) и Франса де Вааля. Последний упоминал второго, в то

время как второй как раз анализировал работы первого. Препоследний же писал о первом и ему, скорее всего, было бы очень интересно узнать то, о чем пишет последний. Такое описание четверых героев неслучайно: именно язык позволяет мне рассказывать о них столь замысловатым образом — не упоминая имен и не показывая «картинок». При этом я имею серьезные основания считать, что внимательный читатель без труда разберется, какими интеллектуальными отношениями связаны фигуранты между собой.

БАЗОВЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Очень многие (если не все) вполне реальные проблемы начинаются с непроясненности базовых понятий. Часто именно в том месте, которое хочется проскочить без лишних разъяснений, ведь это «и так все знают» или это «и так всем понятно», следует остановиться и попытаться дать определение именно этому «ясному» и «понятному» термину. Поскольку именно в такой коварной простоте и незамутненной определением ясности с высокой долей вероятности кроется омут принципиальных разночтений.

В качестве иллюстрации можно представить себе ситуацию признания в любви. Представим, что *A* признается *B* в любви: «Я тебя люблю». Ожидаем ли мы, что *B* уточнит у *A*: «Что ты понимаешь под словом „любовь“»? Предположу, что большинство ответят «нет», ведь *и так ясно*, что такое любовь. Однако это вопиющим образом неверно и, положив руку на сердце, совершенно заранее *не ясно*, что другой человек имеет в виду, когда говорит, что «любит»! Если быть искренним с собой до конца, неясно даже, как начинать прояснять эту абсолютную, поглощающую все смыслы неясность. «Любовь» — обезоруживающе простое и в то же время каверзно сложное понятие, которое даже себе объяснить если не невозможно, то чрезвычайно непросто. Как *A* может убедиться, что *B* — другой, *всегда* малознакомый человек, употребляет такое сложное и важное слово хотя бы в половину в том же смысле, что и *A*?

К счастью, в случае с любовью совпадение в понимании термина, в конце концов, как правило, проясняется эмпирически — поступки одного и поступки другого демонстрируют, как именно каждый из них понимает значение слова «любовь». Такое прояснение может *внезапно* (всегда внезапно) привести к неприятному осознанию, что, по мнению одного, другой его или не любит совсем, или любит едва-едва. Хотя оба были искренни, когда признавались в любви.

МЫШЛЕНИЕ

Нечто похожее (но, кажется, еще более трудно уловимое) случается, когда мы пытаемся говорить о мышлении. В непроясненности этого термина, как мне представляется сейчас, коренится причина многих яростных споров о том, мыслят животные или не мыслят.

С одной стороны, мы знаем, что у них нет языка в том смысле, что есть у нас². А как мыслить без языка — мы помыслить не можем, потому что сами затынуты в омут языка безвозвратно. С другой стороны, нам определенно известно (и многими исследованиями убедительно доказано), что многие животные вполне в состоянии строить каузальные цепочки и действовать в соответствии с этими построениями. Но *как?!* Как они это делают, если нельзя понимаемое сформулировать словами? Так, в классическом уже примере Малкольма наблюдатель в полном согласии с своей интуицией заявляет, что *собака думает, что кошка забралась на дуб* (Malcolm, 1972: 13). Потому что как еще можно выразить идею о том, что собака лает на дерево, где, как ей кажется, спряталась соседская кошка?

Мы знаем, что многие животные имеют представление о времени (способны отсрочивать достижение желаемого результата, делать запасы в зависимости от обстоятельств и т. д.) Мы знаем, что некоторые животные имеют представления о власти как сложном феномене (плетут интриги, ищут сообщников, «дружат против» кого-то). Но не очень понимаем, как все это возможно без языка — такого развитого и мощного инструмента, которым обладаем мы сами. Тем не менее, благодаря новаторским работам таких этологов, как Франс де Вааль и его коллеги, мир ученых начинает свыкаться с мыслью, что животные все же как-то мыслят. «Как-то» — в смысле гораздо более разнообразно и плодотворно, чем мы интуитивно себе представляем и чем в состоянии представить, если знаем, что у них нет такой же развитой и богатой знаковой системы, как у нас.

Однако тот же де Вааль, как мне кажется, несколько поспешно уличает Нормана Малкольма в предвзятости к животным, с плохо скрываемой неприязнью отзываясь о его статье «Бездумные твари»:

²Так, Джонатан Беннет (Bennett, 1988) указывает на несколько принципиальных отличий человеческого языка от знаковых систем животных: (1) наличие синтаксиса и, таким образом, грамматики; (2) возможность говорить о прошлом; (3) возможность обобщать; (4) наличие «психологического вокабуляра» («боюсь», «хочу» и т. д.); (5) наличие «итеративной силы» («я знаю, что ты знаешь» и т. д.)

де Ваалю кажется возмутительным заявление³ последнего о том, что «глупо предполагать, что люди могут *не* иметь мыслей, и также глупо предполагать, что животные *могут* иметь мысли» (Malcolm, 1972: 17–18). Собственно, Малкольм в своей довольно объемной статье лишь стремится отделить разнообразные процессы в сознании от того, что мы (он) называем мышлением. Для него граница между мышлением и другими состояниями проходит по наличию «пропозиционального содержания»: то есть всякая мысль в принципе тем или иным образом сводима к *языковой* конструкции. Малкольм не отказывает животным ни в чувствах (обличая Декарта, как и многие до него, за то, что тот признавал в животных лишь автоматы), ни в умственных способностях (mind), ни даже в наличии сознания (consciousness). По сути, он отказывает им только в одной способности, которую и считает мышлением — *формулировать* мысли с помощью языка. Вряд ли тут есть место для спора, поскольку и де Вааль очевидным образом не считает (это было бы наивно и непродуктивно), что животные владеют языком. Сам де Вааль вполне определенно «возражает» Малкольму следующим образом: «до сих пор мне неизвестно никаких доказательств того, что язык служит основой мышления, кроме всеобщей в этом уверенности» (Вааль, Майсуриан, 2017: 126). Однако где же возражение? Малкольм понимает мышление *уже*, де Вааль — шире. Тут, скорее, вопрос недопонимания, чем принципиального расхождения во взглядах.

Таким образом, мне, очевидно, стоит сделать из этой ситуации определенные выводы, а потому заранее попытаться сформулировать то, что я планирую понимать под термином «мышление» (хотя бы в первом приближении). Если так, тогда я, видимо, примкну к тому подходу, который отстаивает де Вааль: мышление — это скорее набор когнитивных функций (понимаемый максимально широко), нежели только лишь принципиальная возможность оформлять представления с помощью языковых конструкций. Такая возможность — одна из разновидностей когнитивных функций, но мышление к ней не редуцируется.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ/ОСОЗНАННОСТЬ

С этим термином у меня возникли серьезные затруднения. Приступив к попытке определить, что значит «мыслить», я, как хорошо видно,

³Идеи Декарта, которым, по большей части, посвящена статья Малкольма, по всей видимости, кажутся де Ваалю настолько вопиюще несправедливыми, что не заслуживают даже критического упоминания.

довольно быстро пришла к заключению, что никак нельзя обойтись без понятия рациональности. При этом, кажется, термин «рациональность» я как раз использую в режиме «и так ясно», то есть именно тем способом, который чуть выше признала неконструктивным. Так что и с термином «рациональность» нужно определиться более аккуратно.

Теперь, по результатам обдумывания, можно, пожалуй заключить, что рациональность я готова понимать в самом широком смысле — как осуществление деятельности, у которой есть достигаемая с ее помощью цель или у которой такую хотя бы можно предположить. Тогда осознанность, по всей видимости, я могла бы определить как разновидность рациональности. Вот что в первом приближении я имею в виду. Мне представляется верным, что процесс признания за кем-то наличия сознания (особенно если речь идет о том, кто не может сам об этом заявить с помощью *языка*) — это процесс обнаружения определенных закономерностей в его поведении. Эти закономерности и есть проявление рациональности особого рода.

Судя по всему, схожим образом понимает осознанность и де Валь: при корректной постановке опытов, мы, по его мнению, можем обнаружить в поведении животных немало проявлений осознанности. Так, слон узнает себя в зеркале, но для этого зеркало должно быть соответствующего размера⁴. Однако стоит себя спросить: что же мы ищем *на самом деле*, когда проводим над животными опыты подобного рода? Разве не признаки *человеческой* рациональности пытаемся мы у них обнаружить? Другими словами, вот что мы называем осознанным (рациональным) поведением: демонстрацию такого поведения, которое соответствовало бы нами же определенным законам.

Чужая, животная (скорее всего — чрезвычайно разнообразная) рациональность всегда будет ускользать от нас⁵. Меня, например, совершенно завораживают стрекозы. Ученым хорошо известно, как устроен глаз стрекозы. Он устроен фасеточно: тридцать тысяч так называемых омматидий видят совершенно независимо друг от друга. Такое устройство глаза позволяет стрекозе видеть на 360 градусов — у нее вообще нет «слепых» зон. Ее мозг (очень примитивный по сравнению с мозгом выших животных) справляется с обработкой тридцати тысяч различных

⁴Тут, очевидно, возникают свои трудности: что значит «правильный» эксперимент; не являются ли результаты таких исследований подгонкой; и, главное, *какую* именно рациональность мы пытаемся обнаружить?

⁵В этом вопросе яснее всех высказался Т. Нагель (Нагель, Эскина, 2003).

изображений в долю секунды. Кроме того, верхние омматидии у стрекозы монохромны — различают лишь черный и белый цвета, в то время как нижние — полихромны. Все, кто читают этот текст, *понимают* устройство этого глаза и могут даже попытаться при случае их учесть (решив, например, однажды стрекозу поймать). Но что *делать* с этими знаниями, если речь заходит о рациональности? Какие выводы о рациональности стрекоз должны последовать из этого знания? Очевидно (это слово тут использовано со значительной долей самоиронии), что рациональность таким образом устроенных существ может сильно отличаться от человеческой. Но *как именно?* У нас нет иных возможностей воспринимать мир, кроме тех, которыми наделила нас природа⁶.

Другими словами, если мы и будем искать какую-то рациональность в поведении стрекозы, то и искать, и (если повезет) находить мы будем только *человеческую* рациональность — ту, которую мы сами, как живые и в некотором смысле наделенные интеллектом существа, способны в принципе опознать как рациональность. Об узости нашего восприятия хорошо написал Дуглас Адамс в пронзительном философском романе «Автостопом по Галактике»:

Широко известен и очень важен тот факт, что истина зачастую совсем не такова, как кажется. Например, на планете Земля люди всегда предполагали, что они разумнее дельфинов, потому что они придумали так много: колесо, Нью-Йорк, войны и так далее, а дельфины всегда только плескались в воде и развлекались. Дельфины же, напротив, всегда считали себя разумнее человека — причем, по той же самой причине (Адамс, Баканов, 2016: 118).

Не в этом ли и основная идея Декарта: мы не можем заглянуть в голову, в сердце, в душу животного. А если и сможем, то обнаружим там (если обнаружим) лишь порядок, что присуще самому человеку. Означало бы это, что то, что мы обнаружили, и есть рациональность животного? Наше вмешательство, каким бы аккуратным оно ни было, вредит процессу: мы сразу вынуждены накладывать свою «карту» на чужое сознание, потому что не имеем других инструментов и способов узнавания рационального, кроме своих собственных. А значит, ищем «в головах» животных лишь то, что можем найти, а не то, что (что?) следовало бы искать.

⁶Конечно, у нас есть разнообразные инструменты, придуманные специально для расширения наших исходных (биологически обусловленных) познавательных возможностей. Но, боюсь, пока еще нет ни одного инструмента для расширения наших рациональных возможностей.

Другими словами, единственное, что мы только можем принять за рациональность (то есть, осознанность) — действия в соответствии с некоторыми ожиданиями, которые имеются у самого исследователя и которые, согласно исходной гипотезе, одни только и являются признаком осмысленного поведения.

ИСТИНА И МЫСЛЬ

Тут я подхожу к самому интересному и неожиданному повороту. Следуя за Мамардашвили, можно прочесть Декарта таким образом: на самом деле, настоящая мысль — это редкое событие, совершенно выпадающее из ряда обычных рациональных действий субъектов. Мысль всегда совершается через тяжелый труд и усилие. Это внутреннее усилие — не просто обязательное условие, оно имеет (как, впрочем, всякая внутренняя духовная работа) скрытый характер и никак не проявляет себя вовне. Почему Декарт говорит о животных, как об автоматах? Потому что, глядя на других людей, мы по аналогии заключаем, что они, скорее всего, способны на такое же интеллектуальное преодоление, как и мы сами: все-таки мы относимся к одному виду — есть надежда на понимание. Но что касается других животных, у нас нет с ними такого способа связи, с помощью которого можно бы надеяться хотя бы косвенно установить, способно ли это непонятное, по большому счету, животное испытывать такие исключительные и для самих людей состояния невероятного интеллектуального напряжения.

Не исключено, что сам Декарт думал не так, как его пересказывает Мамардашвили, а, например, так, как описывает Малкольм. Или даже так, как его прочитал бы этолог де Вааль — предельно буквально: животные — бездушные автоматы и точка. Это лишь подтверждает исходный тезис: мы видим, что не можем заглянуть непосредственно в мысли Декарта и понять, какая из трактовок его текстов верна, то есть является той самой, которую он в них вкладывал. Впрочем, если и далее следовать Мамардашвили, дело вовсе не в том, что автор «пытался сказать»: важно, что мы у него можем и умеем взять. А говорят все философы, по мнению Мамардашвили, об одном и том же: просто для разных времен свои голоса, термины и объяснения. В то время как самая суть — некоторый набор философских идей, который всегда один и тот же: вечен и неизменен.. Ничто не в состоянии поколебать его совершенную законченность и неподвижность.

Итак, мысль — это энергозатратная и трудоемкая деятельность. Мысль не подобна куску мрамора, от которого отсекли все лишнее. Не подобна

приятному состоянию или даже какому-либо знанию. Мысль — это то интеллектуальное усилие, с помощью которого человек ненадолго соприкасается с истиной. Истиной — как основой или даже как *подосновой* всего того мира, который обнаруживает человек внутри себя и из которого, как умеет, строит науку, отношения, свою жизнь и судьбу мира.

Эти базовые истины очень просты и, в общем-то, даже банальны. Мы часто слышим их «симулякры» — звучат как истины, а наполнения нет. Отчего выглядят такие «истины» уныло и даже неловко. Но если вдруг однажды повезло, мы мыслью, как ростком сквозь асфальт, через мир до этой истины «прорвались», то тут же ее и присваиваем, а не просто слышим. И она обретает плоть и кровь, наполняется смыслом. То есть, становится сама собой, а не тенью или подделкой. Выходит из сумрака, так сказать. Удивительно, но каждый, кто помыслил ту или иную истину, — ее присвоил, сделал своей. Неважно, сколько до этого людей ту же истину мыслили. Она каждый раз новая. И каждый раз та же самая.

Здесь самое время вернуться к вопросу о соотношении языка и мышления. Так, де Вааль, как мы уже видели, скептически настроен относительно роли языка в мышлении вообще и мышления человека в частности. С его точки зрения, язык — инструмент, добавляющий нам эволюционных преимуществ (расширяет сознание на прошлое и будущее, позволяет помнить прошлый опыт и планировать будущее). Однако мы видим, говорит де Вааль, что животные и без языка (в смысле — речи) неплохо справляются. Иногда — даже гораздо лучше нас, так что гордиться человеку особо нечем.

Собственно, здесь можно безболезненно разрешить ту ситуацию, которая возмущает де Вааля — что животные якобы не мыслят. Достаточно развести понятия мышления в широком смысле (назовем это *думать*) как наличия осознанного рационального поведения и мышления в узком смысле — усилия, с помощью которого в просвете бытия приоткрывается истина, — как вопрос о том, мыслят ли животные, отпадет. Да, в широком смысле понятия «мышление» животные мыслят, в узком — мы не знаем и вряд ли сможем узнать, а потому не стоит и гадать об этом, наделяя животных теми способности, о наличии которых нам пока ничего не известно⁷. Если не поддаваться старой традиции участвовать

⁷ Такое решение ни в коей мере не отменяет возможность того, что у животных (очевидно) есть иные способности, отличающие их от человека.

в соревновании «кто выше на лестнице существ», то такое объяснение выглядит вполне приемлемым. По крайней мере, я не вижу в нем никакого ущемления прав животных.

ЯЗЫК И ИСТИНА

Удивительно, однако, здесь вообще не то, что человек имеет такую поразительную способность — встать через усилие в просвете бытия и увидеть истину. Удивительно то, что результат такого усилия, кажется, совершенно невозможно выразить словами. Мысль — очень специфическое состояние, достигаемое всегда вдруг и всегда за счет большой внутренней работы. И в какой-то момент застаешь себя уже там — на границе. Стоишь в этом просвете, где жуткое и прекрасное сливаются в одно сияющее *понимание*. Всегда недолго, несколько мгновений. Но каких! А потом только помнишь, что стояла — и ощущение счастья, и *знание*, что так можно, и что это и есть истина.

Но словами описывать даже само это состояние — дело пустое. Еще наивнее надеяться, что естественного языка хватит для описания открывшейся истины. Тут языка катастрофически не хватает. Язык бессилен. Вроде бы нет проблемы — слова подбираются довольно легко. Проблема лишь в том, что все эти слова подходят не только для описания понятой истины, они подходят и для описания симулякра этой истины. Так что никакого профита от языка у человека, в этом сугубо человеческом способе познания вроде бы и нет.

Но кажется, что все же есть. Чтобы встать в просвет бытия, поймать мысль за хвост, удержать, уцепиться, пролететь с ней немного — сначала всегда приходится браться за слова. В момент самой мысли кажется, что слова складываются вполне стройно и верно. Что описать происходящее — вполне посильная задача. Но стоит мысли начать угасать, как тут же возникает ощущение зазора, в который проваливается то самое главное и цельное, что было смыслом состояния мысли: слова как будто бы все еще есть, но их как-то меньше, чем нужно и почти все какие-то не те. А если уж мысль случилась, состоялась, отступила, — слова обнаруживают себя как совершенно бесполезные: теперь уже нет никакой возможности описать переживание полной ясности и цельности. Оно бессловесно.

Что же получается? Человек как животное, как вид всегда, конечно, думает. Мы тут при желании смело можем поставить его в один ряд со многими прочими животными: животные в какой-то мере рациональны и человек в какой-то мере рационален. В какой мере, в каком смысле —

вопросы, которые сейчас нас отвлекут, а потому оставим их в стороне. Проблема же (проблема ли?) заключается в том, что человек — странная, бракованная штукавина. Он чуть больше, чем животное, он Человек, если только он мыслит (в узком смысле слова). То есть Человеком он бывает крайне редко, если не сказать почти никогда. Но только в том безъязыком, пронзительном состоянии он Человек. А все остальное время — просто человек, вид животного. И не то чтобы среди людей одни этакие Человеки, а другие *просто* люди. Напротив, у каждого есть шанс ненадолго (увы, всегда ненадолго) стать Человеком — постоять в просвете. Долго там не удержишься: не хватает сил противостоять сквозняку бытия. Но если хоть раз случилось постоять, нет никаких сомнений, что это То Самое, без которого все остальное тщетно и пусто. Но объяснить все равно нельзя — слов не хватает.

Если все же настаивать, что речь — это необходимое условие для наступления мысли, то удивительным образом получается так, что, возможно, человек — самое убогое из всех животных, потому что не всегда и не каждый может быть самим собой. С другой стороны, именно благодаря этому умению иногда заставить себя в просвете бытия человек и ощущает себя отличным от других существ: не круче, важнее и значительней — это от отсутствия мысли только можно было бы такие эпитеты приписать. Человек про других существ не знает и *никогда не узнает*, могут ли они так же: застают ли себя в бытии, где мысль. А потому сравнивать смысла нет никакого. Но только про себя человек может с уверенностью заявлять, что он мыслит и для этого ему нужен язык. Как же так выходит, что язык, речь для усилия мысли, казалось бы, не нужны, но все же нужны обязательно: без них не начнешь, но их недостаточно (то есть они необходимое, но недостаточное условие мысли).

Я вижу еще одно необходимое, но тоже недостаточное условие для наступления состояния мысли — это осознание своей конечности, знание о собственной смерти. Осознать собственную смертность (не симулякр использовать — осознать) — это, возможно, первая настоящая мысль, открывающая путь ко всем другим теоретически возможным мыслям. Чтобы заметить, что за существованием пролегает реальность, что она отлична от привычной рутины, надо знать, с полной определенностью знать о своей конечности. В обыденной жизни человек ведет себя, как и любое другое животное, — так, будто он бесконечен. В реальности же нет никакого сомнения в том, что он конечен. Принятие этого факта серьезно и навсегда меняет картину мира. Итак, став через мысль истиной,

как и всякая настоящая истина, эта не может держаться постоянно на пике своей пронзительности и неотменяемости. Она уходит в тень, к горизонту. Но остается обязательным фоном, безмолвной и неотменимой установкой всех прочих попыток мыслить — состоявшихся и неудавшихся. Каким бы странным это ни казалось, но, полагаю, наличие языка каким-то (пока не понимаю, каким именно) образом является важной составляющей понимания себя как конечного существа. Хотя само это переживание, осознание — вполне экзистенциальный акт, как и прочие мыслительные акты, не нуждающийся в словах.

Язык оказывается неким магическим ключом. Может быть, даже не к самим состояниям просветления, но к возможности пусть невнятно и косноязычно, но все же дать понять другим особям своего вида, что с тобой случаются странные, но в то же время осознаваемые как единственно истинные, состояния. Может быть, сила языка именно в этом — возможности проследить связь, преемственность. Перекинуть пусть веревочный и гнилой, но все же мостик между разными людьми, которые с помощью языка только и ищут себе подобных и находят понимание друг у друга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, какие же выводы можно было бы сделать после всего сказанного? Трудно сказать с определенностью. Пожалуй, я могла бы сказать так: область чистой истины безъязыка и в то же время — недостижима без языка. Это странное положение дел объяснить я пока не могу, но рада, что по крайней мере смогла его сформулировать для себя как проблему, над которой еще придется поломать голову.

Кроме того, я очень надеюсь, что коллеги, которые откликнутся на эту попытку размышления, смогут добавить к ней что-то свое, помочь увидеть не только ошибки и неточности, но и упущенные возможности для продолжения и развития рассуждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамс Д.* Автостопом по Галактике. Ресторан «У конца Вселенной» / пер. с англ. В. И. Баканова, В. И. Генкина, С. В. Силаковой. — М. : АСТ, Астрель, Neoclassic, 2016.
- Вааль Ф. де.* Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / под ред. Е. Наймарк ; пер. с англ. Н. Майсурия. — М. : Альпина нон-фикшн, 2017.
- Мамардашвили М. К.* Картезианские размышления / под ред. Ю. П. Сенокосова. — М. : Прогресс, 2001.

Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. — М. : Фонд Мераба Мамардашвили, 2015.

Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Глаз разума / Д. Хофштадтер, Д. Деннетт ; пер. с англ. М. Эскиной. — Самара : Бахрах-М, 2003. — С. 349–360.

Bennett J. Thoughtful Brutes // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. — 1988. — Vol. 62, no. 1. — P. 197–210.

Malcolm N. Thoughtless Brutes // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. — 1972. — Vol. 46. — P. 5–20.

Gorbatova, Yu. V. 2018. "(Bez)dumnyye tvari [Thought(less) Brutes]: chto znachit 'myslit' i nuzhen li dlya etogo yazyk [What Does It Mean to Think, and Whether a Language is Prerequisite for Thinking]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (4), 93–106.

YULIYA GORBATOVA

ASSOCIATE PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW)

THOUGHT(LESS) BRUTES

WHAT DOES IT MEAN TO THINK,

AND WHETHER A LANGUAGE IS PREREQUISITE FOR THINKING

Abstract: In this panel discussion, the author of the focus article starts with a discussion of a topical philosophical problem—the validity of the claim that animals think (and if they do think, what does it mean). Then she turns to a more metaphysical and at the same time analytical arguments about relationship between the concepts “rationality” and “thinking.” The greatest philosophical tension of reasoning is reached when the argument turns to a purely metaphysical issue of that particular kind of knowledge which is possible to achieve despite the language, being at the same time on the “border” or even beyond the “limits” of the world. Other panel discussion participants discuss the same issues. They criticize certain theses of the focus article, offer their own definitions for the terms “rationality,” “thinking” and “consciousness,” and propose interesting solutions to the questions posed.

Keywords: Reasoning, the Transcendental, Rationality, Knowledge, Language, Consciousness.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-93-106.

REFERENCES

Adams, D. [Adams, D. N.] 2016. *Avtostopom po Galaktike. Restoran “U kontsa Vselennoy” [The Hitchhiker’s Guide to the Galaxy. The Restaurant at the End of the Universe]* [in Russian]. Trans. from the English by V. I. Bakanov, V. I. Genkin, and S. V. Silakova. Moskva [Moscow]: AST / Astrel’ / Neoclassic.

Bennett, J. 1988. “Thoughtful Brutes.” *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* 62 (1): 197–210.

- Malcolm, N. 1972. "Thoughtless Brutes." *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* 46:5–20.
- Mamardashvili, M. K. 2001. *Kartezianskiye razmyshleniya [Cartesian Meditations]* [in Russian]. Ed. by Yu. P. Senokosova. Moskva [Moscow]: Progress.
- . 2015. *Besedy o myshlenii [Discussions on Thinking]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Fond Meraba Mamardashvili.
- Nagel', T. [Nagel, T.] 2003. "Kakovo byt' letuchey mysh'yu? [What Is It Like to Be a Bat?]" [in Russian]. In *Glaz razuma [The Mind's I]*, by D. Khofshtadter, trans. from the English by M. Eskina, 349–360. Samara: Bakhrakh-M.
- Vaal', F. [de Waal, F.] de. 2017. *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zhiivotnykh? [Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?]* [in Russian]. Ed. by Ye. Naymark. Trans. from the English by N. Maysuryan. Moskva [Moscow]: Al'pina non-fikshn.